

В ПЛЕНУ

(Рассказ бойца)

Ленинградская правда № 258

258

35-
Норд-ост
73

В палате темно. Кто-то говорит: — Может быть из нижней палаты будут вешать? До нас еще скоро очередь не дойдет.

Сколько времени спал, не помню. Мне казалось, около меня лежит много народу. Проснулся — лежу в своем углу один. Душила меня болезнь, а не народ. Рассветало, на дворе трое висят.

На другой день приходит распоряжение всем собраться во дворе, с вещами. Кто был поздоровее вышел сам. Больных, ровно котят, таскали санитары. Вынес санитар и меня и бросил на снег. Я в одной летней гимнастерке и босой; сапоги я еще раньше променял за кусок сала и за буханку хлеба, а шинель сперли, когда я был без памяти.

На улице нас ожидали сколько-то трамвайных вагонов.

Я проморз до самых печенок, от холода все во мне заоченело, ноги почернели, на щеках образовался лед.

Проезжали мимо того лазарета два верховых офицера увидели нас в воротах, остановились, что-то поговорили и заехали во двор. Один говорит: «А ну, смотри, попаду ли я» — он указал на сидящего у забора на корточках бойца — тот оправлялся — и выстрелил. Тот свалился с простреленной головой и захрипел. Они поехали дальше.

Началась посадка на трамвай. Кто был поздоровее — влезли, а мы, калеки, сидим, не знаем, что делать. Спасибо одному конвойному, всех нас покидал в вагон.

От кондуктора мы узнали — отправляют нас к Тереку, в какой-то кадетский корпус, куда со всего города свозят всех больных.

На сердце тревога. В большинстве ребята молодые, хочется пожить, а нас везут туда, откуда нет возврата.

Так оно и случилось.

В кадетском корпусе был настоящий ад.

Проходы были завалены больными и ранеными, многие лежали около дверей на снегу, сильное зловоние, стоны, плач.

Тут же у забора лежали расстрелянные и порубленные, и в сарае лежат расстрелянные и порубленные.

Нет сил и нет слов всего рассказать, кто как умирал — плакали, просили, а иные умирали смело, твердо, с проклятиями на устах. Много умирало с голоду, — сперва начнет пухнуть, а потом свернется и готов.

Иной кричит: «Товарищ, дай воды глоток». Ему отвечаешь: «Товарищ, нету». Тогда он кричит караульному: «Кадет, дай воды», но получает удар плетью. После этого он принимается ругать самыми последними словами генералов, буржуазов, все денкинское правительство и всю кадетскую власть и умирает от руки палача, или сам себя душит ремнем, или перерезает себе горло стекляшкой.

Этот проклятый дом был оцеплен коновоем.

Пищи нам никакой не давали.

У меня уцелел перочинный ножик, променял его за семь картошек: торговки приносили к забору, их гоняли. А еще к забору

пинком спибают мой котелок, котелок слетел, залил огонь, картошка раскатилась какая куда. Потом он выбил у меня из рук кусок хлеба и затоптал его в грязь.

Спать лег опять голодный.

Злоба во мне по всем жилам текла...

«Ну, думаю, гады, только бы вырваться мне из ваших когтей, за все и за всех расплачусь».

Прожил я в том кадетском корпусе три дня. Решил бежать, пока жив. Не было больше моего терпенья смотреть на все это.

Снимаю с мертвого шерстяные чулки, натягиваю те чулки на свои распухшие ноги, выхожу во двор.

Дождлся вечера, стемнело.

Была в заборе одна оторванная доска, болталась она на одном гвоздишке. Через ту дыру я и драпанул.

Ночь, темно, собаки гавкают..

Мне собаки не страшны, держу направление на собачий лай: вырвался из кадетских зубов, которые пострашнее собачьих.

Вот и слободка.

Подхожу к убогой хижине, из окон сквозь закрытые ставни приветливо блестит огонек. Заглядываю в шелку, хозяйин с хозяйкой сидят ужинают.

Осторожно стучу. Они испугались и погасили свет.

Подождал я немного, опять стучу.

Выходит хозяйин, внимательно разглядывает меня и спрашивает: — Что ты есть за человек?

Я вкратце объясняю.

Он не хотел принять меня из боязни, что ему будет вешалка за укрывательство, но жена умолила его припрятать меня хотя ненадолго, пока немного поправлюсь.

Он поколебался-поколебался, но все-таки согласился.

В хате было тепло, пахло горячим хлебом.

Хозяйка приказала мне раздеться догола, безо всякого стеснения обтерла меня с головы до пяток кеосином, выдала мне пару чистого белья, а мою засыпанную паразитами одежду выкинула на мороз.

Кинула меня в дрожь: ну, думаю, значит жив буду.

Подсадил меня хозяйин на печку, хочу поблагодарить, но не могу и одного слова выговорить — в горле кипят слезы радости.

Сколько время спал, не помню.

На другой день попросил хозяйку принести мне кислого молока, разыгрался у меня после тифу аппетит на кислое. Она сходила на базар и принесла.

А лечила меня так — заварит в кадучке крутым кипятком полыни и велит, чтоб я совал туда ноги. Делать нечего — сую: мертвое мясо сварится и отпадает. Потом она мазала мне ноги сметаной, и дело быстро пошло на лад.

Через две недели хозяйин мне говорит:

— Ну, товарищ, собирайся и убегай подальше.

Дал мне документы племянника своего, погибшего на германском фронте, дал кое-какую одежонку и немного денег.

Горько я их поблагодарил и — айда.

подходили жители и кидали нам
через забор куски хлеба. Один
кусок и я успел схватить. Выпро-
сил у товарища котелок, насоби-
рал по двору щепок, стал варить
картошку... Вот подходит казак,

В станицу свою меня не мани-
ло, решил пробираться в горы,
где по слухам уже начинали со-
бираться повстанцы.

Артем Веселый